

собирательское, а изобретательское начало, «расширительное» введение в русский язык тех слов, которые мыслятся самыми «исконными» по происхождению, а значит, и наиболее достойными его освежить. За время своего отсутствия в русском языке они не столько состарились, сколько обновились, и если у Даля они представлены как местные, областные, архаические, диалектные, народные, разговорные слова, то у Солженицына они предстают как именно однослова, крошечные произведения, сотворенные в том же стиле и эстетике, что и солженицынские повести и романы. «Когда в предисловии к своему «Словарю» Солженицын пишет, что он читал подряд все четыре тома Даля «очень внимчиво» и что русскому языку угрожает «нахлын международной английской волны», то эти слова воспринимаются как совершенно солженицынские, хотя легко убедиться, что они выписаны у Даля» (7, С. 294).

Солженицынские слова идентичны далевским, но добавляют энергию художественного отбора, а главное, новый исторический опыт к тому, что составляло разговорный запас русского языка середины прошлого века. «Например, Даль пишет:

НАТЮРИВАТЬ, натюрить чего во что; накрошить, навалить, накласть в жидкость, от тюри, крошки. - СЯ, наестся тюри, хлеба с квасом и луком.

Солженицын гораздо лаконичнее: НАТЮРИТЬ чего во что — накласть в жидкость.

Солженицынское толкование, хотя и короче, но многозначительнее далевского. Оно включает и те значения, которые приданы были этому слову XX веком и лагерным опытом самого Солженицына. Оно красноречиво даже своими умолчаниями. Из определения тюри выпали «квас и лук», как выпали из рациона тех, чьим основным питанием стала тюря (недаром с начальной рифмой к слову «тюрьма»). «Навалить» в жидкость стало нечего, а